

МУРЗИЛКА

№ 10 Журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ДЛЯ ОКТЯБРЯТ
ОКТЯБРЬ 1961

МАЛЕНЬКИЙ ГРАЖДАНИН СТРАНЫ СОВЕТОВ!

На твоей груди горит алая пятиконечная звезда. Такая же, как на кремлёвских башнях, как на нашем флаге, как на пилотке защитника Родины.

А зовут тебя октябрёнок. Так назвали тебя в честь самого важного праздника — в честь Октября, в честь победы Великой Октябрьской социалистической революции.

И ещё зовут тебя внуком Ильича. Внуком самого родного, самого великого человека на земле.

Маленький гражданин Страны Советов! Раз ты носишь на груди алую звёздочку и раз ты внук Ильича, значит всё, что происходит в нашей стране, касается и тебя. Ты слышал, что в Москве собирается XXII съезд Коммунистической партии? Об этом говорят дома и по радио, в школе и в скверике. Вся страна готовится к съезду. И ты тоже готовишься: стараешься лучше учиться, делаешь пусть маленькие, но полезные дела. В эти дни тебе хочется получше узнать, что такое Коммунистическая партия.

Ты видел, как ночью светит прожектор. Так просто ничего не увидишь, а зажжётся прожектор — сразу видно далеко вперёд.

Партия — это могучий прожектор. И когда светит этот замечательный прожектор, то видно далеко вперёд, видно будущее.

Много лет тому назад у нас в стране был царь, были помещики и капиталисты. Им жилось хорошо. А простым рабочим людям жилось, ох, как плохо. Они жили как во тьме. Не было бы у них никакой надежды на лучшую жизнь, если бы не партия. Партия, как луч, осветила будущее. И люди увидели, что можно по-

строить жизнь без помещиков и капиталистов. А страной будут управлять сами рабочие и крестьяне. Люди стали бороться за эту жизнь, которую осветила им партия.

И вот под руководством партии, вместе с Лениным люди прогнали богатеев и начали строить государство рабочих и крестьян. Было трудно. Люди спрашивали: а что будет дальше, когда будет совсем хорошая жизнь? И партия рассказывала им о завтрашнем дне. И то, о чём говорила партия, сбывалось.

Вместе с партией наш народ шёл от победы к победе. Всё больше зажигалось лампочек в стране, всё больше поднималось целины, человек открывал новые богатства природы, покорял космос. И вела его партия. Вела и светила, чтобы легче было в пути.

И вот сегодня партия послала свой ясный луч далеко вперёд, и люди увидели коммунизм.

Коммунизм — это когда все люди будут друг другу родными. Один — за всех, все — за одного. У людей появится столько механических помощников, что не будет тяжёлого труда. И на земле не останется ни одного лодыря, потому что для человека труд будет не обузой, а радостью. Такой это будет интересный труд!

Коммунизм — это мечта Ленина. Это цель партии. Это жизнь, к которой идёт наш народ.

Раньше люди говорили: доживём мы до коммунизма или нет? А теперь партия отвечает: доживёте! Недаром в проекте Программы партии написано:

«Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Октябрёнок, ты слышишь эти слова партии? Ты будешь жить при коммунизме! Значит, нужно готовиться к коммунизму. Ты будешь не только жить при коммунизме, ты будешь строить его. А строитель коммунизма должен быть очень хорошим, знающим работником, честным и справедливым человеком.

Коммунизм близок. Когда ты вырастешь, в жизни многое изменится: на не-

деле появится второй выходной день. Не надо будет платить деньги за квартиру, за воду, за газ; будут бесплатными трамваи и троллейбусы. Об этом тоже сказала народу партия.

Партия, как могучий прожектор, осветила путь в коммунизм. Но она не только освещает, она ведёт народ этим путём. Она впереди, она на самых трудных участках. И когда надо совершить подвиг, первыми выходят коммунисты! Коммунисты — лучшие сыны народа, коммунисты больше других похожи на Ленина. Коммунисты — это Никита Сергеевич Хрущёв и Юрий Гагарин, Валентина Гаганова и Евгения Долинюк, это твои учителя и твои близкие люди, это рабочие и трактористы, врачи и учёные. Партия — это целая армия коммунистов! Партия — это родная семья коммунистов.

Маленький гражданин Страны Советов! Когда ты подрастёшь и станешь строителем коммунизма, ты, вероятно, тоже станешь коммунистом. Готовься к этому далёкому дню сегодня. Зорче всматривайся в даль. Будь сегодня достойным алой звёздочки, звания октябрёнка. Будь достойным внуком Ильича.

Близок день открытия XXII съезда партии. И, как уже заведено, на съезд придут пионеры. И они от своего имени и от имени октябрят отдадут рапорт:

Товарищ съезд
КПСС,
Мы пока ещё дети,
Но руки поднимем —
Вырастет лес,
Подуем —
Родится ветер.

Если мы по кружке воды
Выплеснем на просторе,
Гудя, покатит свои валы
Новое синее море.

Сложим вместе наши прыжки —
Очутимся на Луне,
Поднимем галстуки, как флажки,
Зажжётся заря в стране.

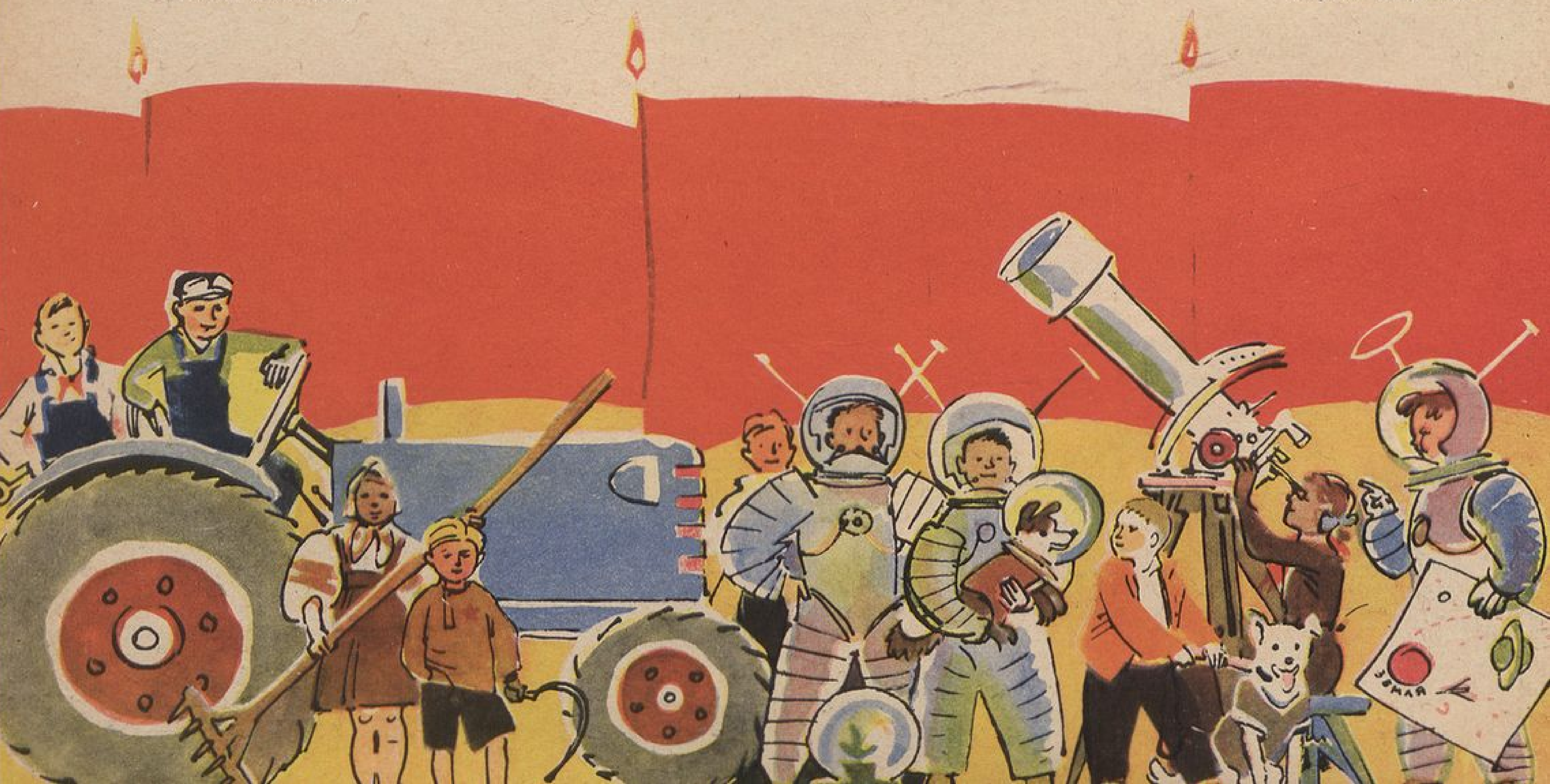
У нас в сердцах большая зреет сила.
Нас ждут дороги, ветер и гроза.
Так будем жить, чтобы не стыдно было
Родному Ильичу взглянуть в глаза.

Партия, мы твои юные внуки.
Мы тебе жизнь отдадим до конца.
Принадлежат тебе наши руки,
Наши мысли,
Наши сердца.

Партия, мы обещаем снова
Бороться по-ленински всю свою жизнь.
В наших сердцах слились три слова:
Ленин,
Партия,
Коммунизм.

Рис. А. ИТКИНА

Юрий ЯКОВЛЕВ

Ю. А. Гагарин в гостях у пионеров.

ПЕРВЫМ ИЗ КОСМОСА ЗЕМЛЮ УВИДЕЛ КОММУНИСТ

Пилот в космической ракете
На Землю глянул с высоты.
Ещё никто, никто на свете
Такой не видел красоты!

Внизу, за стёклами кабины,
В молочных облаках лежал
Далёкий, маленький, любимый
Земной голубоватый шар.

А там, на нём, родные сёла,
Отчизны горы и моря,
Колхозы, города и школы
И пионеров лагеря,

Где каждый наш советский парень
В полёт отправиться готов,
Как лётчик-коммунист Гагарин,
Как друг его майор Титов.

Я. АКИМ

КРАСНАЯ ПТИЦА

Юрий КАЗАКОВ *Рис. П. КАРАЧЕНЦЕВА*

Отец и мать Миши уехали летом на Дальний Восток. Этот Дальний Восток был где-то на краю света, и Миша всё жил и жил, засыпал и просыпался, играл с ребятами, забирался в лес, и опять приходила ночь, и он засыпал, а отец с матерью всё ехали и ехали. И только на одиннадцатый день бабушка, укладывая Мишу спать, сказала, что теперь-то уж, наверно, они приехали.

Так и остался Миша с бабушкой.

В июле бабушка повела Мишу устраивать в школу. А в августе от отца пришла посылка, и в ней была школьная форма, портфель, пенал, карандаши и розовые ластики. И пахло это всё так хорошо кожей, сукном и сухим деревом, что Миша сразу захотел в школу. Но до школы ещё долго нужно было ждать. А пока он стал надевать школьную фуражку. Он выходил на улицу, начиналась игра, и Миша часто забывал, что у него новая фуражка. Но потом обязательно вспоминал и тогда снимал, и рассматривал, и показывал козырёк и подкладку ребятам, которым ещё не купили форму.

Первого сентября он пришёл в школу, но в его классе все ребята были с других улиц, и ему стало скучно. На переменках он тоскливо стоял возле окна или тихо прохаживался и удивлялся, что раскрасневшиеся девчонки и ребята бегают по коридорам и скрипучей лестнице, возятся, шепчутся и обнимаются, будто дружили раньше всю жизнь, хотя все они увидели друг друга только сегодня. Ему казалось, что форма его неудобна, что ботинки жмут, и что всё вообще в школе плохо, и нехорошо пахнет свежей краской и почему-то гречневой кашей. Школа была большая, но старая, деревянная.

Читать он давно умел, писать тоже, и, когда учитель Алексей Павлович стал писать на доске ровные палочки, Мише сделалось так скучно, что он чуть не уснул.

Он пришёл в школу ещё раз, на другой день, а потом уже не пошёл. Сначала он говорил, что у него болит живот. Потом ему стало всё равно, и он сказал, что вообще больше в школу не пойдёт. А если его станут заставлять, то он уйдёт из дому, уедет на Дальний Восток и будет ехать и слезать на разных станциях, и так проедет, может быть, пять лет, а там уж и учиться не надо будет. Бабушка у него была старая, беспомощная, она только ахала и огорчалась, и Миша её не боялся.

Длинное-длинное лето кончилось, и стояла осень. В садах облетали листья, и стали видны большие яблоки. Разжиревшие гуси еле ходили по сырой траве. Часто шли дожди, и мокрая земля тогда краснела, а трава зеленела. Дев-

чонки и ребята, которые ходили во вторую смену, к обеду тащили из лесу полные лукошки грибов.

«Зачем учиться, — думал Миша, — когда можно просто так жить? Разве и без школы неизвестно, что трава растёт, а потом её косят и осенью желтеют листья? И что над заречными полями летят гуси и журавли? И что в берёзовых лесах растут подберёзовики, а там, где осины, — подосиновики?»

Так Миша и просидел дома до воскресенья, лазил на чердак и в сарай, играл сам с собой, а когда ребята, сделав домашние задания, выходили на улицу, он играл с ними.

Мише такая жизнь очень нравилась, он совсем повеселел и целыми днями пел песни на чердаке или в сарае. Он не знал, что бабушка ходила в школу и жаловалась Алексею Павловичу. А когда Миша в воскресенье утром делал себе стрелы для лука возле поленницы, калитка вдруг скрипнула и во двор вошёл Алексей Павлович.

Миша сначала испугался и покраснел. А потом насупился и решил, что лучше умрёт, чем пойдёт в школу.

— Ну, здорово, бродяга! — сказал Алексей Павлович и сел рядом с Мишей на бревно. Он был молодой и высокий, с голубыми глазами, только рука его была скрючена и на щеке был глубокий шрам.

— Как живёшь-то?

Миша ничего не сказал, нагнул голову и сделал вид, что очень занят выстругиванием стрелы.

— Это ты что? — спросил Алексей Павлович. — Стрелу, что ли, делаешь? А лук хороший?

Миша засопел и подумал: «Спрашивает! Будто не знаю, зачем пришёл!» — но невольно покосился на поленницу, где лежал его лук.

Алексей Павлович увидел лук, взял его в левую, изуродованную руку и подергал за тетиву.

— Слабоват, — сказал он деловито и, развязав на одном конце тетиву, снова натянул, так что она зазвенела.

— Вот теперь ничего, — сказал он и подёргал тетиву. — А стрелы у тебя, ну-ка?

И он взял стрелы. Осмотрел их, посвистал и огорчился:

— И стрелы у тебя, брат, никуда: лёгкие. И кривые — видишь? Стрелы надо делать, — Алексей Павлович огляделся, — из сосны, понял? Есть у вас сосновые поленья?

— Есть, — всё ещё недоверчиво сказал Миша.

— А косарь есть? Поди у бабушки возьми.

Миша побежал, принёс косарь, потом вместе с Алексеем Павловичем разыскали они ровное сосновое полено.

— Ну вот. Это ещё туда-сюда... — сказал Алексей Павлович и стал отщипывать косарём ровные лучины.

— Эти лучины надо обстругать, шкуркой протереть, чтобы они круглые и гладкие были, а потом... — Алексей Павлович задумался. — Потом, брат, дам я тебе винтовочные пули. Мы их раскалим, свинец оттуда выльем, а пули насадим на стрелы, понял? Тогда, если вверх запустишь, из глаз скроется! Ты чего же в школу не ходишь?

— Так... — сказал Миша. — Неохота.

— Ну вот, неохота! — возразил Алексей Павлович. — Не нюхал, брат, ты жизни, потому и неохота. Ну, пойдём ко мне стрелы делать, — сказал он и поднялся.

Пошли по улице. Мише сперва стыдно было идти с Алексеем Павловичем, боялся — ребята смеяться будут. Но потом он привык и стал думать о луке и о том, как бы соврать получше ребятам, что лук и стрелы он сам сделал.

— У вас что, рука с детства сломана? — вежливо спросил он, чтобы не молчать. — И на лице тоже... рубец.

— Это? — Алексей Павлович приподнял скрюченную свою левую руку. — А это, брат, судьба моя, — непонятно сказал он и стал закуривать. — Я ведь не всегда учителем был. Занимался я сначала в аэроклубе, а потом стал лётчиком.

— Лётчиком? — Миша даже про лук забыл. — Военным? На реактивных?

— Нет, был я полярным лётчиком и летал не на реактивных, а на «Яке». Маленький такой самолёт, видел, наверно? Возил почту, летал за больными, искал в море рыбаков, продукты

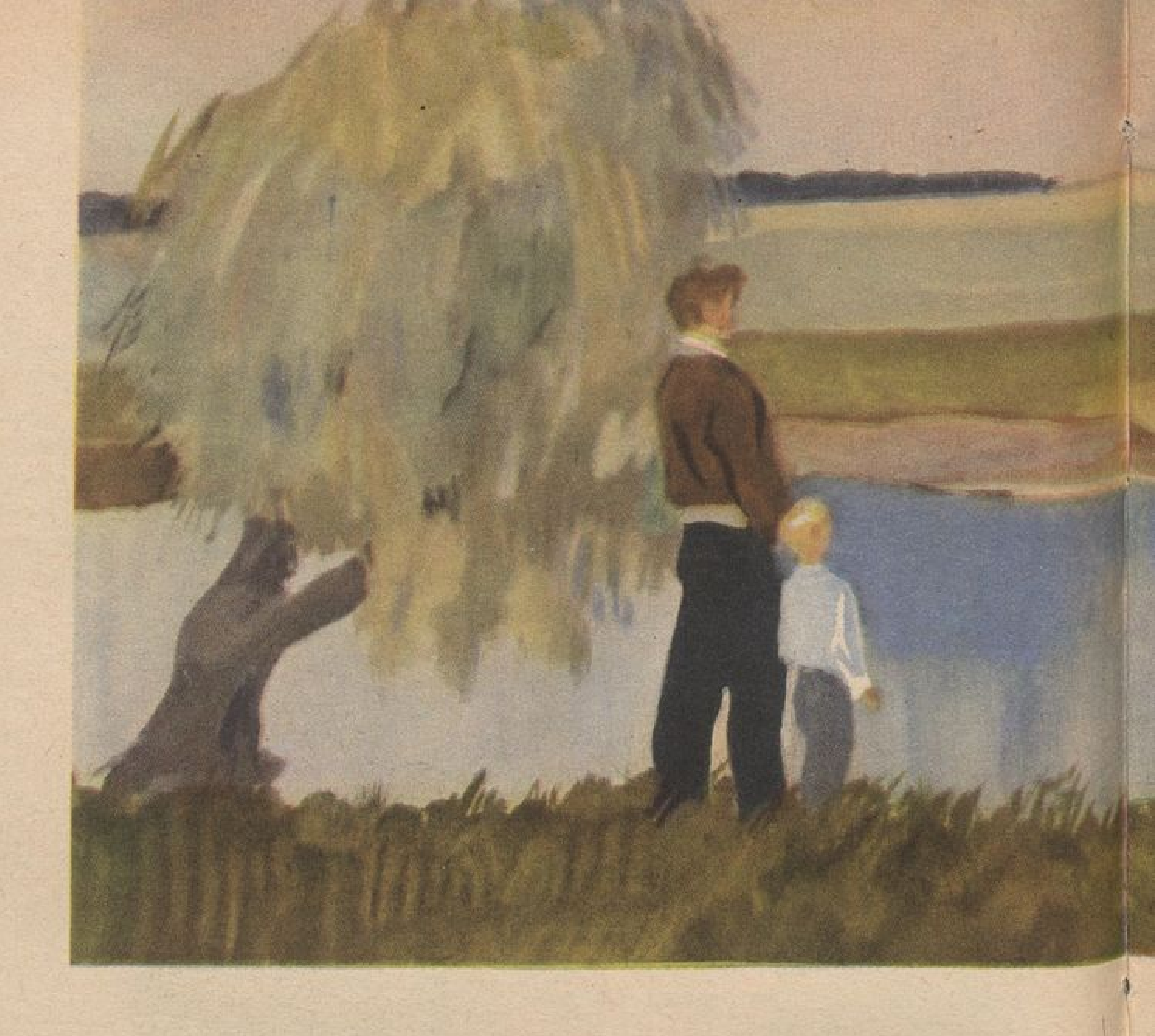
им сбрасывал. Летал я на Маточкин Шар и на Кольский полуостров, в тундру Чум и Монч.

И когда, бывало, летал, то всё одну песню пел. Мотор гудит, и для других петь нельзя, а для себя можно. Хорошая у нас там была одна песня. Мы её сами сочинили. Сидели в нелётную погоду и сочиняли. Хочешь послушать?

И Алексей Павлович тихонько запел песню про холодное море, про ветер и шторм и про то, как долго летит самолёт, и как темнеют внизу холмы и только самолёт освещён солнцем, и как пилота ждут на аэродроме друзья.

Песня была немного грустная и длинная, но Алексей Павлович пропел её всю и повторял все припевы, а кончив петь, сказал:

— Так вот и меня ждали однажды, да не дождались. Совершал я посадку на лёд, темновато было, шёл на костры, а вниз не глянул, зацепил за торосы, и вот...

Алексей Павлович опять посмотрел на свою руку и потрогал шрам на лице.

— Здоровый шрам? — спросил он у Миши.

— Здоровый! — с уважением сказал Миша.

— То-то! Пошли скорей, а то за разговорами не дойдём никак.

Дом у Алексея Павловича был старый, стоял в саду, зарос смородиной, и весь дом снаружи и изнутри был коричневый от старости.

Алексей Павлович открыл дверь на тёплую веранду, и Миша дух затаил — так там было много инструментов, тисков, станочков, моторчиков, книг, проволоки и каких-то частей самолётов и планёров!

— Это у меня мастерская, — сказал Алексей Павлович. — Пойдём молока попьём. Я люблю, даже чай с молоком пью.

А когда попили молока, Алексей Павлович поглядел в окно и сказал:

— Знаешь что, лук — это потом, а давай-ка сейчас мы с тобой пойдём планёр запускать. Я как раз вчера новый закончил. Пойдёшь?

— Пойду, — быстро сказал Миша. — А вы планёры делаете?

— Вот ты в школу не ходишь, — говорил из другой комнаты Алексей Павлович, — а мы там организовали кружок авиамоделистов, соревнования устраиваем...

Алексей Павлович вернулся с большим планёром. Планёр был красный, крылья у него шли из-под фюзеляжа назад и вверх, нос был длинный и тупой, как у акулы, а на фюзеляже горб.

— Мы сейчас на реку пойдём, там с обрыва далеко видно.

Миша нёс планёр и любовался им. Иногда он нёс его на вытянутой руке, и тогда планёр будто летел, даже вздрагивал, просясь из рук.

— А если он улетит далеко, как мы его найдём? — спросил он, глядя на планёр снизу вверх.

— Видишь, он красный, его сразу заметно, ребята найдут, принесут в школу. Тут везде знают: если где-нибудь в лесу на дереве, в поле, на огородах найдут планёр, значит из нашей школы. И обязательно приносят и говорят, где нашли.

— А далеко улетают? — спросил Миша.

— Далеко.

— А может он долететь до солнца?

— Он, наверно, полетит дальше солнца, — сказал Алексей Павлович, хотя знал, что этого не может быть. Но ему хотелось, чтобы так было. И Мише тоже. — Может, он полетит к голубой звезде, — сказал Алексей Павлович.

— К какой звезде?

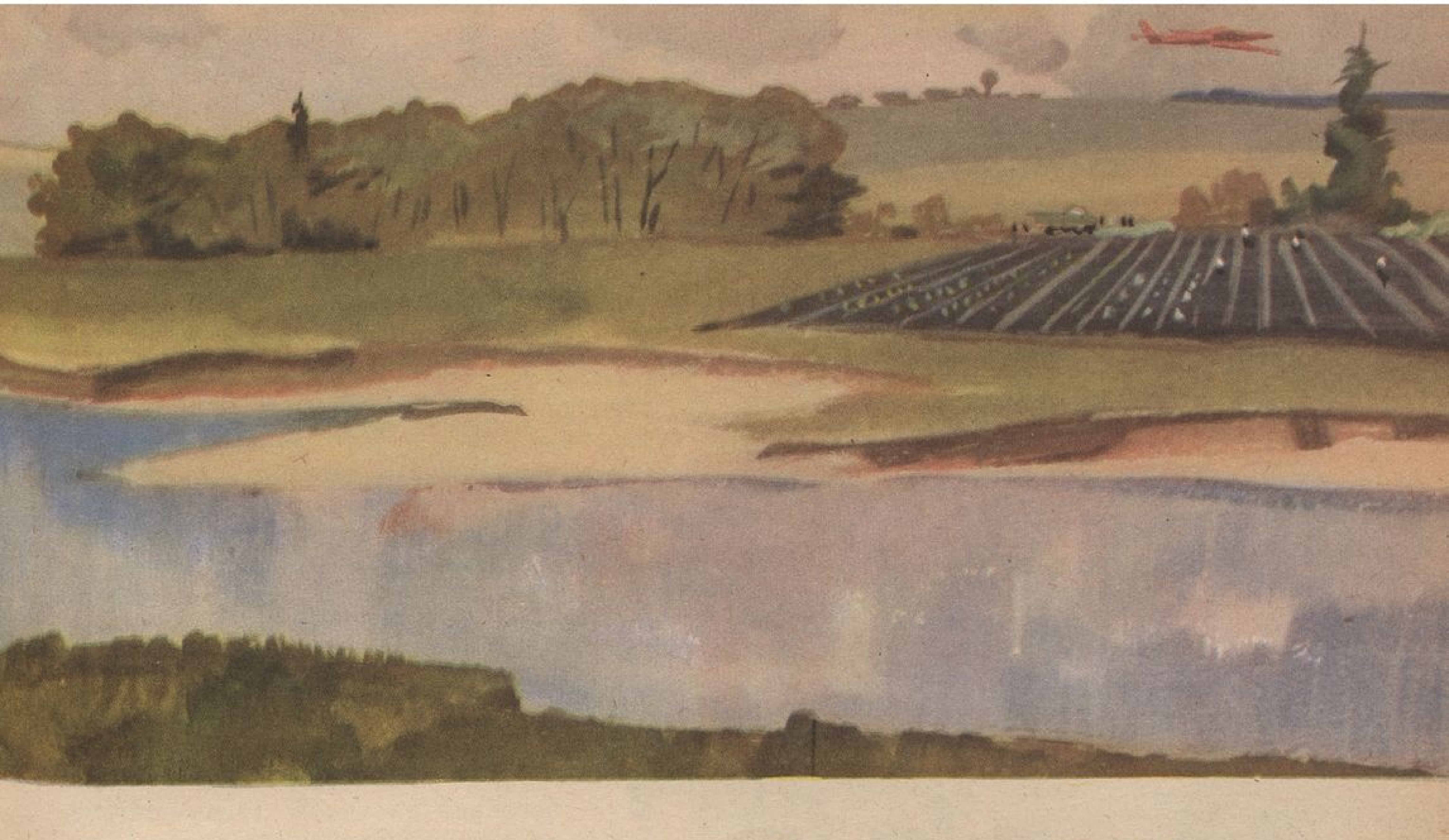
— Ну, я не знаю. К Сириусу. Или к Канопусу.

— О! — сказал Миша, хоть и не знал, где эти звёзды. — А можно его на ракете догнать? — неуверенно предложил он.

— Я как раз об этом думал. Знаешь, сделаем мы ракету и запустим её тоже к солнцу. И тогда она, может быть, догонит наш планёр, и им не скучно будет лететь вместе. А ты знаешь, что в нашей области родился Циолковский?

— Нет, а кто это? Лётчик?

— Ах, ведь ты не ходишь в школу, я всё забываю!

Миша покраснел, и ему захотелось в школу, но он ничего не сказал.

— Циолковский был изобретатель. Он изобрёл ракету и написал много интересных книг про космос.

Алексей Павлович и Миша вышли на обрыв к реке. Река текла глубоко внизу, и ивы по её берегам были похожи на маленькие серебристые облачка. А за рекой, до лесистых холмов на горизонте, шли поля. На полях везде росли капуста и картошка, и колхозники уже начали убирать их. Видны были маленькие сверху грузовики, приехавшие в поля, и точками розовые и зелёные косынки девушек, и ещё сизые кучи срезанной капусты.

— Посидим, — сказал Алексей Павлович. — Это наша Родина. И над ней сейчас полетит наш планёр. Но сперва нужно помолчать и как следует посмотреть на всё, чтобы запомнить. Знаешь, так просто, для настроения.

И Алексей Павлович опять потихоньку замурлыкал песню, которую когда-то пел на Севере. О том, как внизу уходят назад гористые берега и море и виден Северный полюс. И как ветер дует над Новой Землёй и солнце совсем не заходит и мерцает над океаном.

Миша сидел смирно, смотрел на красный планёр, который вздрагивал рядом на траве, просясь в полёт, смотрел на широкие, до самого горизонта поля за рекой и думал, что эти поля идут до самого Дальнего Востока, где живут сейчас его отец и мать, и до Новой Земли, про которую пел Алексей Павлович, и ему было хорошо.

— Ну ладно, — сказал Алексей Павлович и встал. — Давай-ка запустим мы с тобой эту птицу!

Он взял планёр в правую, здоровую руку. А левой погладил его крылья и фюзеляж.

— Внимание! — закричал он громовым голосом, и эхо отдалось из лесу.

— Старт! — крикнул он ещё громче, и эхо опять отдалось, а планёр уже рванулся вперёд и полетел.

Сперва он покачивался, будто был взволнован свободой и не знал, куда лететь — вниз или вверх. Потом успокоился, воздушные токи, поднимавшиеся от реки, подхватили его, и он стал забираться вверх. Он парил уже выше места, где стояли Алексей Павлович с Мишей, и заворачивал направо, но потом, раздумав, переменил курс и полетел налево, на восток, забирая всё выше и выше.

Сияло неяркое сентябрьское солнце, всё заливало своим ласковым светом, и ветры, которые тихонько дули над землёй, были лёгкими и тёплыми. А там, за рекой, в полях, люди, увидев планёр, прикрывали глаза от солнца рукой и смотрели на красную птицу, стремительно несущуюся к недоступной высоте, как на чудо.

— О! О! Смотрите! — говорили они друг другу.

А планёр летел всё дальше! И хотя Алексей Павлович с Мишей остались далеко на обрыве, они тоже как бы летели вместе с ним и вместе с ним озирали землю и радовались ласковому дню и тому, что внизу идёт мирная работа и что люди замечают их планёр.

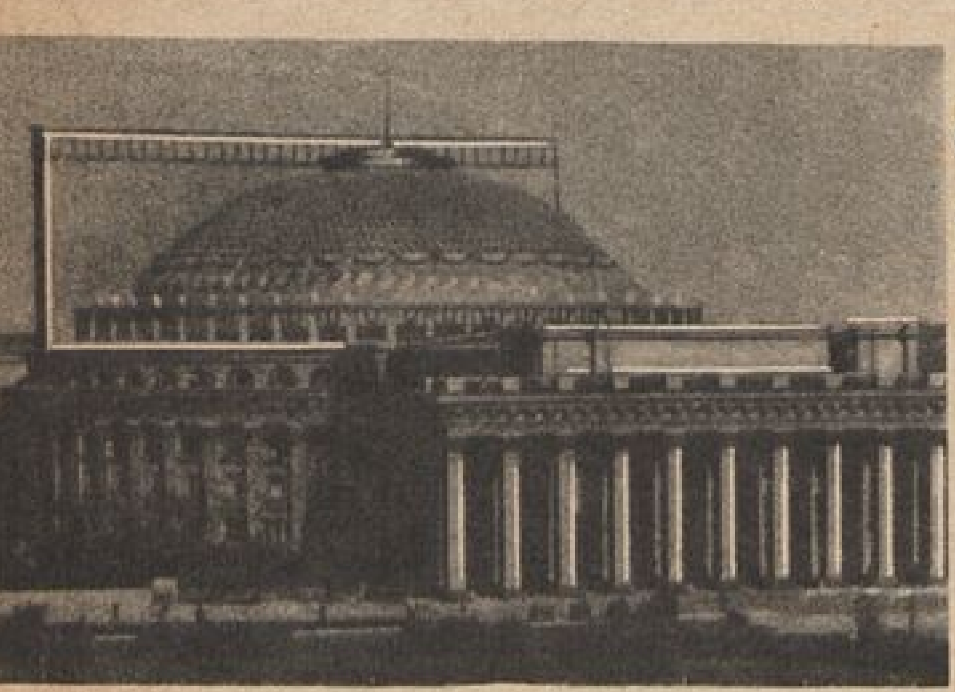
ВСЛЕД ЗА СОЛНЫШКОМ

Спешит курьерский поезд
За солнышком вослед.
На этот дальний поезд
Вручили нам билет.

Мы Родину-красавицу
В окошко разглядим.
Наш поезд продвигается,
Наш поезд называется
«ЭКСПРЕСС
НОМЕР
ОДИН».

Огромный город близко —
Ты видишь строек лес!
К земле НОВОСИБИРСКОЙ
Подходит наш экспресс.

Театр оперы и балета.

В. и Ю. ПУХНАЧЁВЫ

Из Красноярска, с берегов широкого Енисея мы приехали к другой великой реке — Оби, в Новосибирск. Давайте сядем в вертолёт и посмотрим на город сверху. Иначе нам придётся пробыть здесь неделю, а может быть, и дольше. Новосибирск занимает места меньше, чем Москва, но больше всех других наших городов.

Улица за улицей проплывают под нами. Самую широкую, самую красивую ты заметил сразу. Это Красный проспект.

Представь себе, что Новосибирск — огромный компас на голубом ремешке Оби, и Красный проспект покажется тебе его стрелкой, точно с севера на юг, длиной в десять километров проложен он. А основание стрелки — площадь в центре города, где находится оперный театр, дом городского Совета, магазины, партийная школа и большие жилые дома.

На окраинах города множество заводских труб; как громадные зеркала, сверкают стеклянные крыши цехов. Здесь делают строительные машины, турбины, станки, радиоприёмники, сеялки, игрушки. Всего не перечтёшь. Есть здесь и «сладкая фабрика», она делает конфеты.

Сейчас мы летим на юг. Огромное голубое пятно расплылось до горизонта. Это Обское море. Совсем недавно могучая Обь была перегорожена бетонной плотиной. Здесь построена гидроэлектростанция. Река перед плотиной разлилась морем на сотни километров в длину и десятки в ширину.

По берегам, в густом сосновом бору, рабочие построили пионерские лагеря и детские площадки. Выбегут ребята из палаток, и тут же тайга угощает их: хочешь — кедровые орешки щёлкай, хочешь — бруснику собирай.

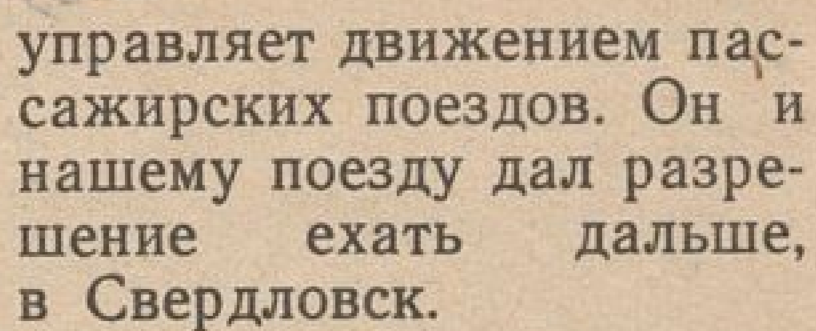
Здесь же учёные основали научный городок. Сюда приезжал Никита Сергеевич Хрущёв. В научном городке он встречался и с маленькими сибиряками, пожелал им расти здоровыми и счастливыми.

В городке науки много учёных. Один из них, чудесный хирург лауреат Ленинской премии Евгений Николаевич Мешалкин, умеет делать операции на сердце. Многих вылечил профессор, он спас и девочку Олю Сметанкину.

Сейчас Оля здорова, играет и растёт счастливая. Ей, как всем маленьким новосибирцам, не приходится скучать. В городе есть театр юного зрителя, кукольный театр, много клубов, дворцов культуры. А театр оперы и балета (мы его видели, когда летели над центром го-

Оля Сметанкина.

управляет движением пассажирских поездов. Он и нашему поезду дал разрешение ехать дальше, в Свердловск.

Внимательно следите за встречными поездами. Скоро мы встретимся с Пионерским поездом.

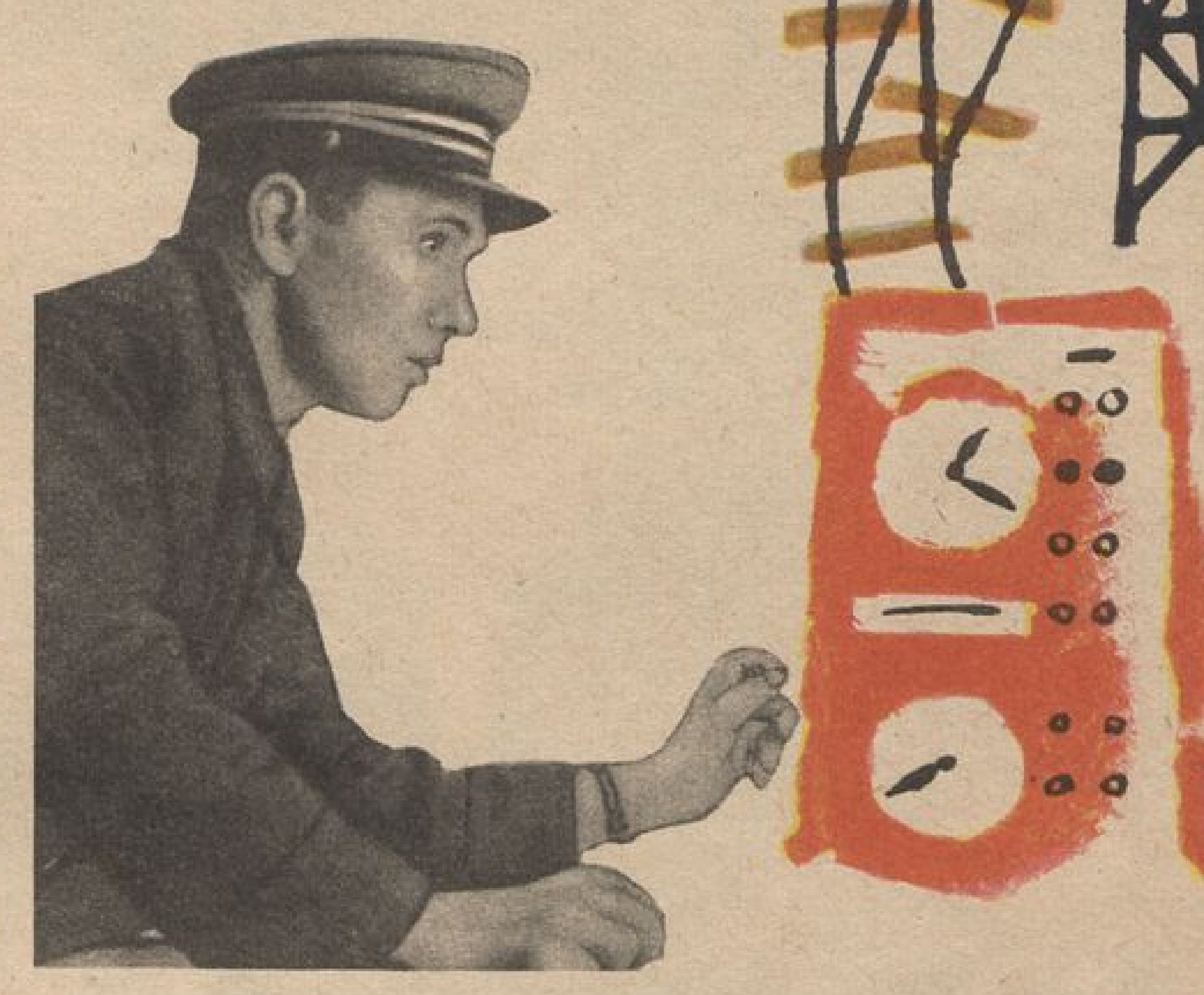
рода) первым в стране показал малышам балет «Доктор Айболит».

Взглянем ещё разок вниз — мчатся по железным дорогам поезда, плывут по Оби пароходы, по шоссе бегут машины. В Новосибирск они везут уголь, металл, автомобили и тракторы, книги и другие товары.

Из Новосибирска поезда везут людям хлеб и молоко, кедровые орехи и лес, турбины и станки.

Много отправляют поездов новосибирские железнодорожники. Если бы не машины и автоматы, не справились бы они со своей работой.

Дежурный по станции И. И. Бауло с помощью автоматов прямо из своего кабинета

Дежурный по станции И. И. Бауло.

Рис. Пети КАСЬЯНА, 7 лет, «Атака», пос. Атаки Молдавской ССР.

Рис. Толи БЫКОВА, 9 лет, «Подвиг», г. Хмельницкий.

ВЕСЁЛЫЙ ПОЕЗД

Н. БРОМЛЕЙ

Я знаю одного маленького Серёжу, который любит рисовать. Однажды он стал рисовать в тетрадке солнце, небо, трактор. Всю остальную часть закрасил зелёной краской. А потом приклеил к рисунку ещё лист и опять весь его закрасил зелёной краской.

— Что это ты рисуешь?

— Целину.

Да, она такая, наша целина,— бескрайная, безбрежная. Чтобы распахать её, съехались на новые места тысячи людей. Сотни тысяч совсем-совсем юных завидовали им. Кто пустит девчонок и мальчишек на тракторы и автомашины?

Но московские ребята всё-таки придумали, как помочь Целинному краю, не уезжая из Москвы. Они решили отправить эшелон подарков школам новых совхозов. Нужны книги — пошлём! Нужны инструменты, приборы по физике и химии — сделаем! Пусть будет там больше игр, игрушек...

В мастерских, на занятиях кружков целый месяц работали ребята. А сколько своих «богатств» приносили пионеры и октябрята в школу!

Станция эта называется Товарная Павелецкая. В те дни её можно было назвать Товарная Пионерская, потому что сюда бесконечным потоком шли и ехали ребята. В просторных складах с каждым днём становилось всё теснее и теснее.

Прибежал как-то мальчишка с барабаном. Поставил он барабан на груду ящиков, стал рассматривать, что вокруг делается. Вот привезли парты — он сгрузить помог. Вот один ящик раскрылся — он за молотком побежал. А потом куда-то пропал мальчишка, а барабан остался. Так и не узнали, чей он был. А чей стал барабан, всем ясно: целинный.

И не только ребята посылали свои подарки. Им помогали комсомольцы. Те, кто делает пластинки, пластинки везли. Те, кто делает мебель, — мебель. И мячи, и инструменты, и книги, и картины, и киноаппараты, и швейные машинки — всё на целину.

Пришёл такой день, когда совсем опустели склады. Пионерский груз переселился в товарные вагоны. На одном была надпись: «В этом вагоне — пони». Да, да, настоящие маленькие лошадки. Они ехали, чтобы катать целиноградских ребят.

Но всё-таки самый замечательный вагон был не этот. А зелёный, пассажирский. Его прицепили к эшелону, чтобы

сами пионеры Москвы могли передать на целине свой большой подарок. Мне посчастливилось ехать в этом вагоне вместе с ними.

Едем, едем. И всюду зелёный глаз светофора открывает нам путь.

А за окнами — страна, удивительно прекрасная в эти весенние дни. Незапылённая листва, розовые ветви цветущих яблонь. Если в поле останавливается поезд, угощаем пони свежей травой с бутонами ромашек.

Ребят не оторвать от окон. На полях — тракторы, берега озёр белым-белы от гусей и уток. Дымят фабрики, заводы. А поздним вечером города мерцают созвездиями электрических огней.

Города остаются, а мы всё едем, едем. Никто без улыбки не может смотреть на наш весёлый поезд. Стрелочники удивлённо разводят руками, пропуская нас. На маленьких полустанках из школ выбегают ребята. Кричат «ура!». Бегут вслед.

Наш поезд — за Волгой. Город Куйбышев. Вот неожиданность — весь перрон запружён. Сколько здесь ребят в галстуках, с флагами, со знамёнами! Что за событие? Они нас встречают! Машут цветами, дуют в медные трубы. Подъезжают тележки, доверху нагруженные. На них ящики... ящики... картины, модели, книжки... Это тоже подарки для пионеров целины.

Мы снова в пути. Солнце скачет, как огромный огненный мячик. То скроется за горой, то опять ярко светит. А на другой край неба набежала тучка! Несколько минут барабанил по крыше вагона дождь, и, как гигантские ворота, встала над нами радуга. Вот через эти ворота и въехал поезд из Европы в Азию.

Проснулись на другое утро, а за окном всё иначе: поля, поля бескрайные. Ребята спрашивают: «А на целине такие?» Так это уже и есть целина! Мы приехали.

Очень скоро нас встречали маленькие жители Целинного края. Им мы передали свои подарки. И долго ещё путешествовали по целине ящики с пионерским грузом. Везли их в кузовах машин, на подводах к ребятам дальних совхозов.

В нашем поезде едет писатель Евгений Шатько. Слушайте его рассказ о целине.

Е. ШАТЬКО
Рис. Р. МУСИХИНОЙ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПАМЯТНИК

Далеко в Сибири, над рекой Иртыш, стоит необыкновенный памятник: трактор на высоком постаменте. Кругом поля, жёлтые от пшеницы. Трактор смотрит в степь, где работают сейчас его братья, такие же тракторы. Они пашут землю, а он стоит... Почему он стал памятником?

...Жил в Ленинграде молодой рабочий, звали его Вася Скворцов. Работал он на большом заводе. Жил Вася с мамой, как все живут: работал, отдыхал, ходил на рыбалку с товарищами, читал книги.

Отец Васи во время Отечественной войны сражался с фашистами. В одном бою танк отца подбили из пушки. Танк загорелся. Двое товарищей были тяжело ранены. Отец вытащил одного из огня и отнёс в сторону. Потом, сбивая пламя с комбинезона, бросился обратно и влез в люк, чтобы спасти второго друга. И в ту же секунду танк взорвался. Так погиб отец Васи Скворцова.

Вася старался быть похожим на отца, но он и не думал, что сам совершит подвиг.

Однажды в комитете комсомола завода Васе сказали:

— Молодёжи поручено очень важное дело — поднимать целину.

В центре нашей необъятной страны, в Сибири и в Казахстане, на тысячи километров тянутся ровные-ровные степи... Нет там ни лесов, ни болот, ни гор, ни морей — степь да степь. Это и есть целина. Очень велика она. Если сесть на коня и объехать эту степь, то будешь ехать сто дней.

Долгое время, века, на целине росли только дикие травы, паслись овцы да посвистывал ветер. И вот в 1954 году советские люди решили вспахать эту землю и вырастить на ней хлеб. А хлеба столько можно вырастить на целине, что хватит накормить им всех людей.

Вася Скворцов и его товарищи приехали на берег Иртыша зимой. Поставили палатки, стали строить дома, ремонтировать тракторы — готовились к весеннему севу. Вася подружился с чабаном Амангельды. Отец и мать Амангельды тоже чабаны. Особенно трудно чабанам зимой. Далеко в степь приходится ездить за сеном для овец. А тут началась метель. Три дня мела пурга, заносила кибитки, палатки, овчарник. Овцы начали падать от голода. В палатку к целинникам пришёл Амангельды и сказал:

— Овцы гибнут без сена. Сено далеко в снегу. Помогите!

И тогда Вася Скворцов повёл свой трактор в снежную, ревущую степь. Амангельды поехал с ним. Целый день пробивались они по глубокому снегу; не раз застревал трактор, утопая в оврагах. К ночи добрались до омётов. Нагрузили сено на сани и уже поздно ночью двинулись обратно. На полпути, в овраге, кончилось горючее — трактор застыл. Тогда Вася и Амангельды пошли пешком за горючим. Они не ели с утра, жёг мороз, пурга валила с ног... Вася шёл всё медленнее, прикрывая глаза, — хотелось сесть в снег и заснуть под вой ветра. Совсем обессилел Вася, упал в снег и забылся. Амангельды хотел позвать Васю, спросить, а выговорить не может ничего — замёрз, и губы не слушаются. Амангельды решил нести друга. Пройдёт пять шагов, остановится, отдышится — ещё пять шагов. К утру добрался он к своим — Вася был жив.

Пришла долгожданная весна. Солнце растопило снега, и открылась людям земля. Когда появились подснежники, Вася выехал в поле. Ему доверили проложить первую борозду на целине. В поле, около трактора, собрались все товарищи Васи, торжественные, радостные, как на праздник. И вот Вася взялся за рычаги. Лемеха плуга врезались в крепкую, нетронутую землю. Суслики от страха бросились бежать. Орёл взмыл в небо, а люди закричали «ура!» и побежали рядом с трактором. Трактор шёл и шёл вперёд, и оставалась за ним узкая полоса влажной жирной земли. А потом стали пахать и другие трактористы.

Как-то раз, когда Вася пахал неподалёку от овчарника, заметил он дым, который тянулся вверх из-за холма. Стояла уже жаркая, сухая погода. Вася поднялся на холм и увидел: по степи, точно стая красных лисиц, бежит огонь, пожирает сухую прошлогоднюю траву. Бежит он прямо к овчарнику. А там уже люди лопатами быстро копают землю, чтобы преградить дорогу огню. Вася повернул свой трактор к овчарнику. Провёл одну борозду, но ветер легко мог перебросить огонь через неё. Тогда Вася стал прокладывать вторую. А пожар подошёл близко, и вдруг огонь прыгнул на трактор. Вспыхнула крышка мотора, огонь кинулся на стёкла кабины. Затрещали от жары волосы на голове у Васи. Пламя обожгло руки... Выскочил он из кабины, хватает свежевспаханную землю обожжёнными руками и сбивает огонь. А у него уже рукав загорелся. Кто-то прибежал с ведром воды — да разве ведром воды поможешь! Больше воды в степи нет, и трактор горит всё сильнее, всё страшнее. Гудит огонь, лопаются стёкла. Ещё чуть-чуть накалится бак с горючим, и тогда взорвётся трактор, погибнет. Знает Вася, что опасно быть около трактора, и кричит:

— Отойдите все дальше!

И вдруг из кибитки выбегает Амангельды с большущей кошмой в руках. Бросился к трактору и накрыл его кошмой. Вася стал помогать, и вдвоём затушили они огонь; тут только почувствовал Вася, как болят обожжённые ладони.

Так начал свою жизнь на новой земле Вася Скворцов. С тех пор прошло семь лет. Уже даёт целинная земля миллионы пудов хлеба, уже выстроен на берегу Иртыша посёлок из новых, крытых железом домов, разбиты сады, парк; исчезли старые глинобитные кибитки — на их месте стоит каменная белая школа. Появились в совхозе новые тракторы, комбайны, машины. Но не забыт трактор Васи Скворцова, хотя Вася давно уже не тракторист. Теперь Василий Петрович Скворцов — агроном совхоза, и за свои заслуги награждён орденом. Работает в совхозе и Амангельды, он стал старшим чабаном. Жив и трактор. Только он уже отработал свой век, и люди решили поставить его на высокий постамент над степью — в память о первых днях покорения целины.

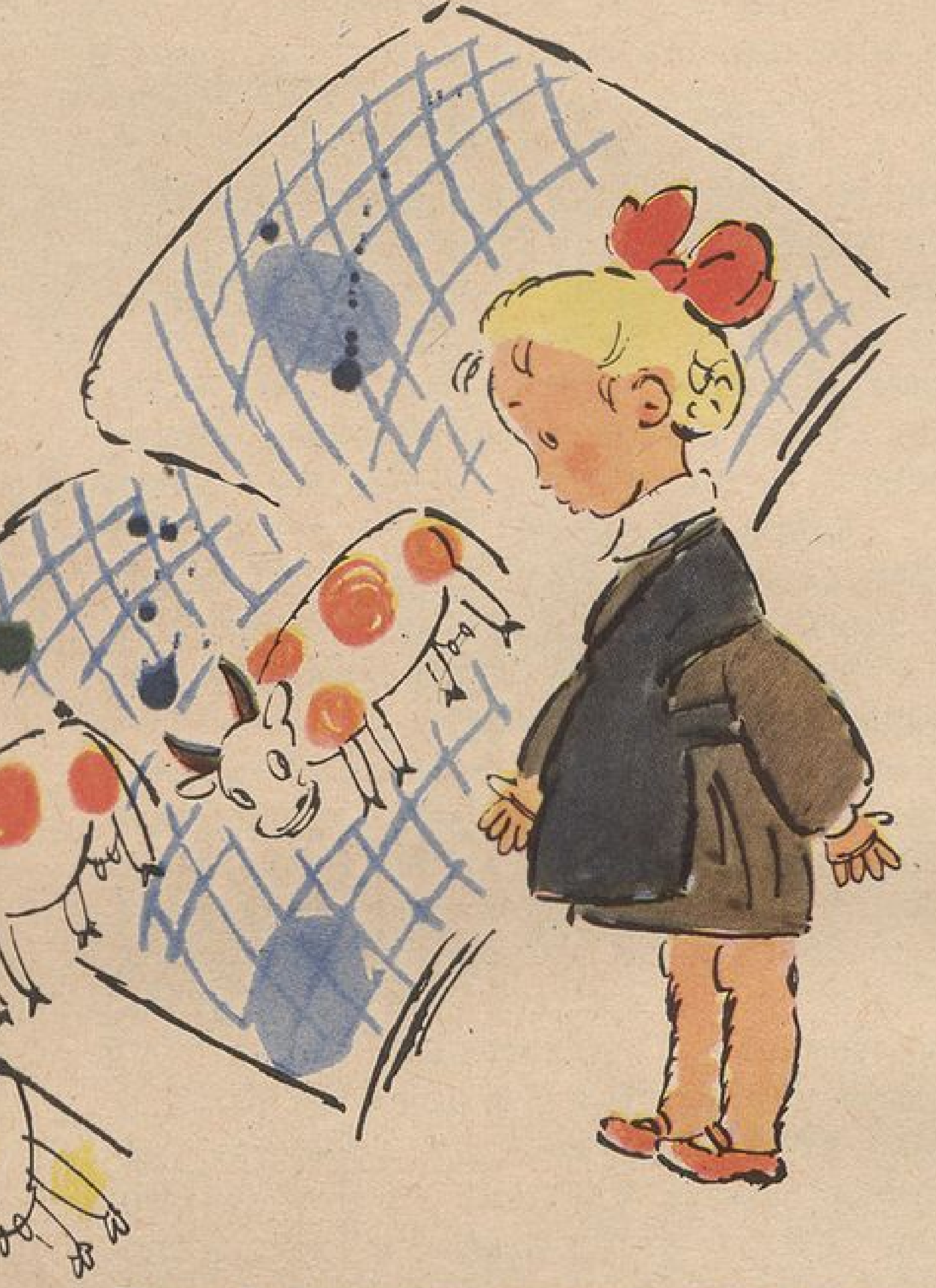
КОРОВА

З. АЛЕКСАНДРОВА   Рис. Е. МОНИНА

Корова,
        корова,
                корова,
                        корова...
Какое большое и трудное слово!

Сказала Танюшке Надежда Петровна:
— Торопишься, девочка, пишешь неровно.
Из школы вернёшься, гулять не спеши,
Садись и в домашней тетрадке пиши...
«Корова,
        корова,
                корова,
                        корова», —
Танюшка выводит чернилами снова.

Осталось ещё написать полстраницы.
Работа у Тани пошла веселей,
И Таня мечтает:
                идут вереницей
Коровы с колхозных зелёных полей.

Расцвёл на лугу колокольчик лиловый,
Красивый какой у него колпачок!..
На белых ромашках пасётся корова,
А рядом телёнок — безрогий бычок.

Мыча и рогами ему угрожая,
К телёнку подходит корова чужая.
Танюшка решила телёнку помочь,
Корову бодливую выгнала прочь.

Со строчки сползло непослушное слово,
Зато убежала чужая корова.

А мама сказала:
                — С тобой наказанье!
Я вижу, Надежда Петровна права.
Ты стала совсем невнимательна, Таня!
Ты криво опять написала слова.
Они у тебя разбрелись, будто стадо,
Страницу опять переписывать надо!

ВСТРЕЧА С СЫНОМ

А. КАЛЬМА *Рис. В. КУЛЬКОВА*

Осенним утром по улице небольшого города в Западной Германии шёл человек. Несмотря на холод, он был без пальто. Человек сильно горбился, волочил ноги, и по походке всякий принял бы его за старика. На самом деле это был совсем ещё молодой человек, но он пробыл три года в тюрьме, и там его сильно били.

Теперь он должен был как можно скорей уехать из своего города, где его могли узнать и выдать властям. Конечно, приметы Крауса были известны всем здешним шпикам. Как за ним охотились три года назад, как старались заманить его в западню! Дом Крауса, его жена Марта, его сынишка Курт были под беспрерывным наблюдением. И однажды ночью его выследили.

С тех пор прошло три года. И вот коммунист Краус на свободе. Он снова может бороться за справедливость, за мир, за свободную от фашистов Германию.

Теперь он торопился выбраться на шоссе и попроситься там на попутную машину. В тюрьме у Крауса отросли усы, и это немного меняло внешность, но шпикам он был известен и с усами.

«Скорей, скорей надо уходить!» — подгонял он самого себя.

Дорога к шоссе лежала мимо его дома. Разумеется, войти туда, повидать Марту и мальчика он не сможет: это верная гибель. Но хоть издали, хоть мимоходом взглянуть на знакомую дверь, на калитку палисадника...

Одна улица, другая, третья... Краус повернул за угол, и сердце у него заколотилось так, что стало трудно дышать: он увидел свой дом.

Беглец пошёл так медленно, как только позволяла осторожность. Напротив, у крыльца здания, где раньше была школа, он заметил полицейского — следует быть начеку!

Затаив дыхание Краус разглядывал свой домишко. Рядом с дверью — окошко. Там, бывало, на подоконнике Курт расставлял своё деревянное войско и строил из кубиков высокую красивую башню. Рядом — окно Марты, там у неё всегда стояли цветы.

Однако сейчас ни цветов, ни красной башни не было — домик казался вымершим.

«Где же Марта и мальчик? Неужели их тоже забрали?» — тревожно подумал Краус.

Он подошёл к самой калитке. Полицейский с удивлением уставился на прохожего, который стоял, несмотря на холод, в одном костюме.

«Надо уходить!» — приказал себе Краус.

Не отрывая глаз от дома, он медленно двинулся вниз по улице, к шоссе. В это мгновение щёлкнул замок, дверь дома открылась, и в палисадник вышел мальчик.

Он был высокий и тоненький, без шапки. Одет мальчик был в старое пальто, из которого давно вырос. Краус сейчас же узнал это пальто: он сам покупал его когда-то сыну. Беглец жадно разглядывал мальчика. Так вот каким стал его маленький Курт! Совсем взрослый!

Курт оглянулся и свистнул. Сейчас же послышался лай, и из дому выбежал крупный, в серых подпалинах пёс, похожий на волка. Пёс гордо вёз маленькую тележку.

«Вольф! — ахнул про себя Краус. — Наш старый, верный Вольф!»

В самом деле, как это он до сих пор не вспомнил о Вольфе! Ещё когда Курт был крошкой, Вольф оберегал его колясочку и свирепо рычал на всех чужих. И когда Курт пошёл в школу, Вольф каждое утро провожал его и носил в зубах сумку с учебниками.

Сейчас на тележке у Вольфа были навалены разные домашние вещи и большой голубой кофейник, хорошо знакомый Краусу.

«Наверное, Курт повёз вещи чинить к жестянщику. Кофейник ещё при мне нуждался в починке», — соображал Краус, с нежностью разглядывая вещи на тележке. Он так углубился в это разглядывание, что не сразу обратил внимание на поведение собаки. А с собакой делалось что-то странное.

Едва выбежав и понюхав воздух, Вольф вдруг завизжал, кубарем скатился с крыльца и понёсся к забору. За ним, подпрыгивая и кренясь, полетела тележка. Кофейник тут же вывалился.

— Вольф, что с тобой? Назад, Вольф! — закричал мальчик.

Но Вольф точно оглох. Он был уже возле калитки и прыгал как бешеный, стараясь открыть её или перепрыгнуть через забор. Ему мешала тележка. Он повалил её набок, чтобы высвободиться из упряжки. Это ему не удавалось, и он всё больше неистовствовал.

— Вольф, на место! Вольф, назад! — повторял Курт, вертясь вокруг собаки и норовя схватить её за ошейник.

Но Вольфу уже удалось открыть калитку. Не обращая внимания на тележку, которая била его по ногам, он бросился вдогонку прохожему.

— Вольф, не сметь! Вольф, ко мне! — вне себя от испуга кричал Курт.

Сейчас Вольф накинется на этого прохожего, напугает его до полусмерти, как напугал на днях американца, и тогда не оберёшься неприятностей! А у мамы и так достаточно горя...

Курт выхватил палку из ветхого забора и кинулся вслед за собакой. На помощь ему уже бежали полицейский и два солдата из американского патруля. Крик мальчика и лай собаки взбудоражили улицу. Из окон выглядывали любопытные.

Задыхающийся от волнения Курт настиг собаку, когда она уже набросилась на прохожего. Вольф бесновался и прыгал, норовя достать до самого его лица.

— Палкой! Ударь собаку палкой! Сильнее! — кричали на бегу полицейский и солдаты.

Курт замахнулся, хотел ударить Вольфа, отогнать его — и вдруг палка выпала у него из рук, и он остолбенело уставился на прохожего.

Он увидел, что Вольф беснуется не от злобы, не от желания напасть на врага, а от восторга. Не укусить он хочет, а лизнуть прохожего в самое лицо.

Курт задрожал. Только одного человека на свете встречал так Вольф.

Мальчик во все глаза смотрел на незнакомца. Нет, конечно, он ошибся... И Вольф тоже обознался... Бледное чужое лицо с усами... Сутулая спина...

Но в то мгновение, когда Курт оттаскивал собаку от незнакомца и собирался вежливо извиниться, он вдруг увидел карие глаза и улыбку, которую так хорошо помнил.

— Папа! — чуть не вскрикнул мальчик.

— Курт, дорогой... — донёсся еле слышный ответ.

Краус сделал короткий, едва уловимый жест, и Курт мгновенно понял: показывать, что он узнал отца, нельзя.

Мальчик торопливо схватил Вольфа за ошейник и оттащил его. И вовремя: отовсюду уже сбегались любопытные. И, конечно, одним из

первых прибежал вечный неприятель Курта — Мориц, сын их новой соседки, фрау Зейде.

— Ага! Я всегда говорил, что твой Вольф — вредная, злющая собака! — с торжеством заявил он так, чтобы все слышали. — Она всегда рвёт мне штаны...

— Ты их сам рвёшь, а сваливаешь на Вольфа, чтоб тебе не доставалось от матери! — с возмущением пробормотал Курт.

Запыхавшийся полицейский и два американца-патрульных протиснулись сквозь толпу.

— Собака укусила вас? Желаете написать жалобу на владельцев? — обратился полицейский к Краусу.

Краус быстро обдумывал положение. Отказаться от жалобы — это покажется подозрительным: все видели, как собака на него набросилась. А писать жалобу — значит надо назвать себя, сообщить свой адрес, показать документы, которых у него не было.

Пока он раздумывал, делая вид, что осматривает искусанную руку, толпа расступилась, пропуская вперёд худенькую женщину.

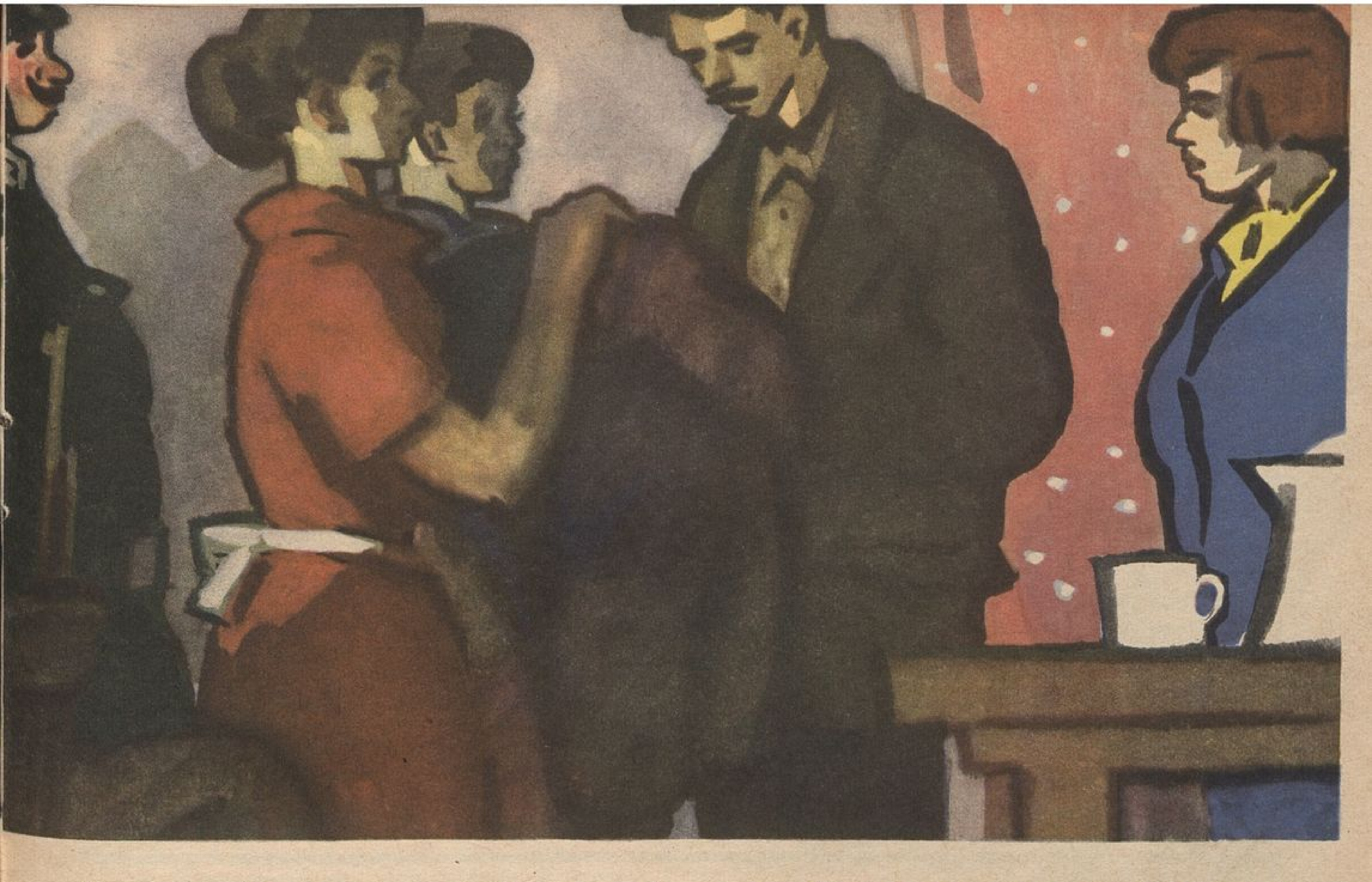
— Курт, мальчик, что случилось? — тревожно спрашивала она, ещё не видя ни сына, ни мужа.

Соседи успели уже сообщить Марте, что Вольф искусал прохожего. Но вот она подняла глаза и в тот же миг узнала Крауса.

— Ах! — вырвалось у неё.

— Мама, наш Вольф набросился на этого господина, — торопясь и глотая слова, перебил её Курт. — Этот господин, мама...

— Да вот, пожалуйста, полюбуйтесь-ка... —

Краус протянул руку и показал тёмно-красный след полицейской дубинки.

Таких следов было много на его теле — они легко могли сойти за укусы.

— Боже мой! — воскликнула Марта. — Как это ужасно! Надо немедленно смазать йодом, перевязать... Я сама, я сама перевяжу вам...

— Гм... перевяжете? Что ж, перевяжите. Только поскорей, а то я тороплюсь, — выразительно сказал Краус.

Он смотрел на жену. Как она побледнела! А седая прядка — её не было раньше!

Видеть жену и Курта хотя бы вот так, на глазах у полицейского, посреди толпы, и это было счастьем. И Марта тоже смотрела и с болью отмечала сутулость Крауса, его лёгкий костюм, его посиневшие от холода губы...

Она сказала умоляюще:

— Я вас прошу, милостивый государь, не пишите жалобу!.. У меня и так довольно горя. Я сию минуту перевяжу вам руку. А если собака порвала ваш костюм, я вам его заштопаю. Только... только для этого вам придётся зайти к нам в дом...

Она быстро переглянулась с сыном. Глаза мальчика засияли: папа придёт домой!

— Да-да, мы вас очень просим! — подхватил он. — Я... я даю вам слово, что запру собаку, никуда не буду её выпускать.

— Даёшь слово? Посмотрю я, как ты его сдержишь, — проворчал Краус, мгновенно поняв манёвр Марты и сына.

И вот Краус дома. Он с восторгом оглядывает кухню. Синие язычки газа пляшут над плитой, и тепло охватывает беглеца.

Из чулана доносится вой Вольфа: его заперли, но он скребёт лапами дверь и всеми силами хочет вырваться к хозяину.

— Вот злая тварь! — говорит, прислушиваясь, полицейский.

— Следовало бы его пристрелить, чтоб не бросался на людей. Он порвал брюки Дэрку, — говорит кривоногий американский солдат.

Да, они тоже здесь. Они целой толпой ввалились в дом вслед за Краусом и Мартой. Здесь и вездесущий Мориц и его мамаша, фрау Зейде, похожая на тощую кошку. Курт готов прибить Морица: мальчишка всюду суёт свой нос!

— Да у вас и ниток нет подходящих, фрау Марта! И не сможете вы заштопать костюм так, чтоб было незаметно, — приставал он, вертясь возле Крауса и заглядывая ему в лицо.

Соседка Зейде тоже подавала советы. Маленькая кухня была полна посторонних людей. И под чужими взглядами Марта и Курт суетились возле отца. Марта нарочно возилась со штопкой: может, полицейскому и патрульному наскучит это и они уйдут?

Нет, они не уходили. Они развалились на стульях, им было приятно сидеть у огня, вместо того чтобы дежурить на улице.

— Ну и плохо же вы заштопали, фрау Марта! — воскликнул Мориц. — Костюм господина совсем испорчен!

— Не вмешивайся, это не твоё дело, — остановила его мать.

Краус сделал вид, что разглядывает работу. Он промычал что-то неодобрительное и покачал головой.

— Не годится? Ох, только прошу вас, не пишите жалобу! — сказала Марта. — Если... если это вас устроит, я даже могу дать вам взамен костюма куртку моего мужа.

— Гм... куртку? Я ещё посмотрю, что это за куртка, — сварливо сказал Краус.

Марта принесла из спальни его старую осеннюю куртку.

«Умница! Милая!» — думал Краус.

— Выдумала тоже: отдавать последнее какому-то проходимцу! — сердито глядя на Крауса, ворчала фрау Зейде.

— Молчите, фрау Зейде, я рада отдать ему что угодно, лишь бы он не жаловался в полицию! — громким шёпотом, так, чтобы слышал патруль, сказала Марта.

Краус надел свою старую куртку. Какая это была тёплая, славная куртка!

— Кажется, впору, — сказал он, напуская на себя самый недовольный вид. — Ну, ваше счастье, хозяйка, а то я ни за что не простил бы вас. Теперь, пожалуй, можно не писать жалобы... А как вы думаете, сержант?

— Это уж как вы желаете, — отозвался полицейский, грея руки над плитой.

Краус ещё раз с любовью посмотрел на жену и сына и направился к двери.

— Послушайте, господин, а ваш пиджак? — напомнил, подскочив, Мориц.

— Пиджак? Я... скоро пришлю за ним, — ответил Краус.

Он открыл дверь. Сейчас он будет на улице, а через час — уже далеко от города.

— Эй, а документы? — раздался окрик полицейского.

Краус весь сжался. Он повернул голову, увидел смертельно побледневшую Марту и мальчика, который к ней прижимался.

— Какие документы? — медленно выговорил он, выгадывая время.

— А вот — забыли в пиджаке, — насмешливо добавил полицейский и протянул Краусу его потёртый бумажник.

Дверь за Краусом закрылась. Завыл, сильнее заскрёбся лапами Вольф.

— В следующий раз я с ним разделаюсь! — сказал патрульный, стукнув сапогом по стенке чулана.

Маленькая кухня опустела. И когда ушёл последним несносный Мориц, Курт и его мать выпустили из чулана верного Вольфа. Никогда ещё на долю Вольфа не приходилось столько нежных и горячих слов благодарности.

Волшебная НИТКА

Л. ЛАГИН

Рис. Е. МИГУНОВА

Однажды Наташа вернулась из школы невесёлая.

— Что с тобой? — испугалась мама. — Уж не заболела ли ты?

Она пощупала Наташин лоб. Температуры не было.

— Я не больна, — печально ответила Наташа. — Это я контрольной боюсь.

— Вот тебе и на! Весь год неплохо училась и вдруг боишься контрольной!

— Боюсь. Мне Валька Бочарова всё-всё про них рассказала. Ужас! Она как раз на них в прошлом году и провалилась.

— Так ведь она второгодница, твоя Бочарова. Она и в этом году плохо училась, потому и боится.

— А я всё равно боюсь, — всхлипнула Наташа. — И я уже сегодня от волнения всю задачу перепутала. Надо было помножить дыни на грузовики, а я стала делить грузовики на дыни. И таблицу умножения вдруг забыла...

Словом, Наташа была неутешна.

Когда мама ушла на кухню, Тритутик уселся на диван рядом с пригорюнившейся Наташей.

— Наташа, — сказал он ей. — Я всё слышал и хочу тебе помочь. У меня есть волшебное средство, которое помогает на самых трудных контрольных работах.

Он достал из кармана моточек красных шёлковых ниток.

— Вот видишь? Это волшебнейшие в мире нитки. Более волшебных не было и не будет. Теперь смотри: я продеваю кусочек этой нитки в ушко иголки и делаю два стежка на твоём носовом платке... Э-э-э, постой, не годится...

— Неужели не годится ниточка? — испугалась Наташа.

— Платочек твой не годится: грязный. А ну, покажи-ка мне руки! Да у тебя и руки грязные и воротничок мог бы быть почище. Моя волшебная ниточка бессильна, когда девочка неряха.

Конечно, Наташа сейчас же побежала мыть руки, потом сменила носовой платок, пришила к платью свежий воротничок. Потом ещё оказалось, что шея у неё грязная. Она и шею вымыла. А уж заодно и уши.

— Ну вот, теперь совсем другое дело, —сказал Тритутик и сделал несколько стежков на чистом носовом платке. — Теперь волшебная нитка, безусловно, подействует. Да ты наверняка и сама чувствуешь, что уже не боишься контрольной.

— А ведь верно, ну, нисколечки не боюсь! Скажите, пожалуйста, какая поразительная ниточка!

— Проверим, — сказал Тритутик. — А ну, скажи, сколько будет шесть раз восемь?

— Сорок восемь, — сразу, не задумываясь, ответила Наташа.

— А семь раз девять?

— Шестьдесят три.

— Ну, вот видишь, — сказал Тритутик. — Всё в порядке.

— Тритутик, миленький, — сказала тогда Наташа. — Можно мне взять весь моточек?

— Весь? — удивился Тритутик. — Тебе вполне хватит нескольких сантиметров.

— У нас все ребята в классе волнуются, и я хочу им подарить по кусочку такой волшебной-преволшебной ниточки.

— Что ж, — говорит Тритутик, — на, бери, мне не жалко. Только учти: эти нитки помогают только тем, кто старательно учится и всегда ходит чистый. Вале Бочаровой, например, ниточка ни за что не поможет.

На контрольной учительница вошла в класс и ахнула. Никогда ещё её ученики не выглядели так чисто, аккуратно и бодро. Они спокойно сидели за партами и только изредка для верности нащупывали в своих карманах свеженькие носовые платки. На каждом из этих платков краснели волшебные заметные стежки.

Кончилась контрольная. Ребята сдали тетрадки учительнице и вдруг забеспокоились: а что, если ниточка не помогла?

Но на другой день все убедились: нет, помогла! За исключением неисправимых двоечников все получили хорошие отметки.

Теперь уже все поверили, что нитки действительно волшебные.

Следующая контрольная работа тоже кончилась благополучно.

Прошло несколько дней, и Наташа попросила у Тритутика ещё немножко волшебных ниток. Моточек уже кончился, а у неё две девочки из соседней школы попросили хоть чуточку, ну, хоть четверть метра — на весь их класс.

— Наташа, — сказал Тритутик, — могу я на тебя положиться? Ты болтать не будешь?

— Ну вот ещё! — ответила Наташа.—Раз ты меня просишь не болтать...

— В таком случае, — сказал Тритутик, — возьми из своей шкатулки любой моток красных ниток и смело давай этим девочкам.

— Но ведь это совсем обыкновенные нитки!— воскликнула Наташа.

— Они не менее волшебные, чем те, которые я тебе дал, — сказал Тритутик. — Если хочешь знать, я тебе подарил самые обыкновенные нитки.

Наташа говорит:

— Как же так, ведь твои нитки нам помогли? Помогли. А ты говоришь, что они не волшебные. В чём же дело?

Всем, всем, всем
Открывается зимняя птичья

МЕНЮ НА ОКТЯБРЬ — АПРЕЛЬ

Мясные блюда

«Сахарные» кости.
Сырое, несолёное сало.
Сырое мясо.
Сушёные майские жуки.
(для синиц, поползней, рябков)

Вегетарианские блюда

Клюква, метёлки конского щавеля
(для снегирей)
Рябина, бузина
(для снегирей и свиристелей)
Репейник, чертополох
(для щеглов)
Просо, овёс
(для овсянок)
Семена лебеды, крапивы
(для чечёток, чижей)
Подсолнухи, арбузные семена
(для синиц и поползней)
Конопля, крошки белого хлеба
(для всех птиц)

Приятного аппетита, пернатые друзья!
Дежурный по птичьей столовой . . .
Адрес . . . .

НЕ ЗАБУДЬ

Как видишь, адрес птичьей столовой и фамилия и имя директора пока неизвестны. Ты впишешь свою фамилию и свой адрес, когда устроишь возле дома кормушку — птичью столовую.

Очищай её от снега и ежедневно рано утром или с вечера засыпай корм. Иначе посетители забудут к тебе дорогу.

Весной ты напишешь нам, как работала твоя птичья столовая и кто её посещал.

СКВОРЕЦ ПЕРЕ

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Это случилось погожим осенним утром.

Уже давно мы не слышали песни скворца. Когда птенцы вырастут, скворец становится непоседой, бродягой. Вместе со стаей он весело кочует по полям.

И вдруг сентябрьским, хрустальным утром, когда в воздухе вспыхивают и гаснут золотые искры летающей паутины, возле дома снова раздался птичий знакомый голос.

Таков обычай скворцов. Перед отлётом на день, на два они возвращаются к скворечне, чтоб спеть у её порога свою прощальную песню.

Известно, что скворец искусно перенимает разные звуки. Он может даже выговаривать человеческие слова. Так вот нам показалось, что в его прощальной песне прозвучало слово «спасибо!».

Спасибо маленьким рукам, которые строили скворечники и скворечни, сыпали крошки в кормушки, перевязывали больные лапы, поднимали выпавшего из гнезда птенчика и бережно укладывали в гнездо!

Спасибо добрым мальчикам и храбрым девочкам, которые отнимали рогатки у озорников, не позволяли разорять гнезда и убивать птиц!

Спасибо Наташам, Мишам, Володям, Олям — всем вам, ребята, от ласточек, скворцов, синиц, мухоловок, горихвосток — от всех ваших пернатых друзей.

Вы с ними ещё обязательно встретитесь. Ведь птицы из года в год возвращаются в те же места. И особенно охотно они вернутся туда, где им хорошо жилось.

Недаром скворец, улетая, прощебетал:

«До новой весны!»

зимующим птицам!
столовая „Залетай-ка“.

ДАЁТ ЭСТАФЕТУ

СНЕЖНОЕ ИМЯ

Наши скворцы и ласточки сейчас далеко-далеко: в жаркой Африке, где стоит вечное лето. Но и мы зимой не останемся без птиц. Скворец передал эстафету пернатым гостям с севера.

Сейчас октябрь. В лазури кружатся похожие на звёздочки снежинки. Побелела от первого снега земля. А в саду ветви яблони будто вновь усыпаны румяными яблочками. Это расселись на ветвях красногрудые снегири.

Недаром дано этой птице снежное имя. С первым снегом она прилетает в наши края.

И если в вашем саду есть рябина, клевать её ягоды прилетят хохлатые свиристели, у которых по крыльям словно кто помазал сургучом.

Ещё гуще снег, ещё крепче лёд. В ноябре жди новых гостей — красавцев щеглов, весёлых чижей, озорных чечёток.

Всем им нужна ваша помощь: трудно птицам находить корм зимой.

Так встретьте же их, как добрые хозяева, радушно, по-октябрятски:

— Здравствуйте, друзья! Проголодались с дороги! Милости просим: угощенье для вас готово.

Я очень люблю птиц и помогаю им чем могу. Всех птиц надо любить. Они в долгу не останутся.

г. Ульяновск **Алла Макарова**

Пишем первый раз. Дорогой Мурзилка! Мы хотим, чтоб ты рассказал всем, что мы друзья птиц.

Октябрята 2-го класса Брянской школы

Бурятская АССР

Когда выпадает снег, всем птицам, кроме дятла, есть нечего. Я их жалею. Вот я и повесил у окна четыре кормушки.

г. Конотоп ***Миша Паренаго***

КТО ПОЛУЧИЛ ДИПЛОМ

«Как тебя зовут? Где ты живёшь? Чем ты помог птицам?» — эти вопросы ребята читали на обороте билета, напечатанного в № 3 «Мурзилки».

Билеты с ответами ребят вернулись в «Мурзилку». Иной раз их заполняли мамы тех малышей, которые сами ещё не умели писать. Но и эти малыши помогали птицам.

За добрую помощь пернатым друзьям 480 ребят получили дипломы от редакции «Мурзилки».

На обложке — рисунок И. ГРИНШТЕЙНА „В. И. Ленин с детьми“.

Редактор А. Митяев

Редколлегия: З. Александрова, А. Барто, Л. Виноградская, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачёв

Художественный редактор Ю. Молоканов.
Технический редактор Л. Прозорова.
Год издания тридцать седьмой. Цена 10 коп.

Подп. к печати 8/IX 1961 г. Бумага 60 × 92$^1/_2$. Печ. л. 3 (3).
Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1549.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.
Телефон: Д 0-45-08.

„Москва праздничная". Рис. А. РОМОДАНОВСКОЙ.